

9. Answers of Christopher Ivanitskii, a senior priest of Tumen Troitsk-Nikolsk Church of the edinovertsy, to questions of Varsonovii Ivanivich Makarov, a community leader of Philipovtsy denomination, a Tumen bourgeois. *Istina*, 1883. Book 85, pp. 1–40 (In Russ.).

10. *Ponyrko N.V.* Aesthetic views of writers belonging to the Vyg literary tradition. *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi. XVII vek: Raznye aspekty issledovaniia*. St. Petersburg, 1994, pp. 104–112 (In Russ.).

11. *Yukhimenko E.M.* Ignorance and wisdom in the Vyg Old-Believers writers' opinion. *TODRL*. St. Petersburg, 2004, vol. 55, pp. 508–516 (In Russ.).

12. *Zhuravel' O.D.* Literary works of Old-Believers of the XVIII – early XXI centuries: subjects, issues, and poetics. Novosibirsk, 2012 (In Russ.).

13. *Pokrovsky N.N.* Manuscripts and early books of the Tyumen regional museum. *Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri*. Novosibirsk, 1975, [Вып.1]. pp. 144–148 (In Russ.).

Статья принята
редакцией 09.07.2015

DOI: 10.15372/HSS20150305

УДК 279.99-285.4

Н.А. СТАРУХИН

«ПОСЛЕДНИЕ ВРЕМЕНА» В СОЧИНЕНИИ «ПОКАЗАНИЕ ИСТИНЫ» СТАРОВОРА-«АВСТРИЙЦА» Г.А. СТРАХОВА

Николай Алексеевич Старухин, канд. ист. наук,
научный сотрудник,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
Институт истории СО РАН,
e-mail: prognostika@mail.ru

В статье рассматриваются эсхатологические построения, изложенные в сочинении середины 1890-х гг. «Показание истины», которое атрибутируется писателю-сибиряку Г.А. Страхову. Анализируются особенности эсхатологических взглядов писателя, источники, на которые он опирался. Это позволяет расширить представления о литературе и идеологии белокриницкого («австрийского») согласия во второй половине XIX в. Делается вывод, что круг вопросов, обозначенных автором, вполне соответствовал уровню внутренней и внешней полемики староверов указанного периода. Показано, что в ряде выводов сибирский писатель заходит гораздо дальше разработок других белокриницких апологетов. Это касается трактовки чувственного понимания природы антихриста, оценки деятельности российских самодержцев, осмысления творческого наследия раннего староверия. Несколько по-иному оценивается им тема преследований староверов, и, соответственно, проблема их взаимоотношений с властями, собственной иерархией. Последнее в значительной мере сближает Г.А. Страхова с радикальным крылом «австрийцев».

Ключевые слова: старообрядчество, белокриницкое согласие, полемика, эсхатология, апологетика, литература, идеология.

N.A. STARUKHIN

“THE END TIMES” IN THE “TESTIMONY OF TRUTH” BY AN “AUSTRIAN” OLD-BELIEVER G.A. STRAKHOV

Nicolay A. Starukhin,
Candidate of Historical Sciences, Researcher,
Institute of History SB RAS
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: prognostika@mail.ru

The article introduces for scientific use one of the copies of a polemic writing by a Siberian peasant writer Grigoriy Arefyevich Strakhov from the collection of the Institute of History, SB RAS. The copy has been acquired in one of the Old Believers' settlements as a result of archaographical fieldwork. Using G.A. Strakhov's writing as an example the author considers eschatological issues that remained invariably topical in the Old-Believer literature and perfectly characterized specifics of historiography and ideology of the people at the grassroots level of Belokrinitsky Agreement – one of the last Old Believer agreements. Moreover, addressing the range of eschatological problems (which is a separate research problem) allows to deepen our understanding of both Old-Believers' internal and interfaith polemics, as well as the late Old Believers' political essays written in the latter half of the XIX century.

In the article the author used traditional (general and specific) methods of historical research as the most appropriate for studying the narrative sources: analysis and synthesis, typologization and classification; causal analysis. In this particular case it is of utmost importance to study the historical context and circumstances in which the source was created.

Like any other writer G. Strakhov had, perforce, to take into consideration the situation that had developed in the Belokrinitsky agreement by the time of creation of his work. On the one hand, by the late XIX century the Austrians had increased their influence in the Old Believers' world, while a stand-off between the leaders of other agreements had also taken a serious turn, involuntarily stimulating the literary activities and cultural exchange. On the other hand, civil and ecclesiastical authorities increased their pressure on the Belokrinitsky Old-Believers sharpening their long-standing oppositional sentiments. This was indirectly confirmed by the very fact of addressing the issue of end times.

Key words: Old Believer's faith, Belokrinitskaya hierarchy, polemic, eschatology, apologetics, literature, ideology.

Введение в научный оборот памятников поздней письменности белокриницких староверов является одной из насущных задач археографических исследований. Прежде всего это связано с наличием значительных лагун в наших знаниях о литературе, общественной жизни и идейной борьбе в столичных и региональных обществах «австрийцев» во второй половине XIX и начале XX вв. Крайне злободневное во все времена осмысление событий мировой и отечественной истории в категориях апокалипсиса различными группировками ревнителей дониконовской «старины», отраженное в сочинениях разных жанров, заслуженно является одним из ключевых предметов исследования российских и зарубежных ученых. Именно трактатка старообрядческими апологетами текстов Священного Писания и святых отцов о «последних временах» во многом объясняет идейные постулаты, выработанные тем или иным направлением староверия, проясняет позицию лидеров «ревнителей древнего благочестия» по ряду вопросов насыщенной старообрядческой жизни: от отношения к властям и самоожжениям (или их оценки), до взаимоотношений между многочисленными старообрядческими согласиями, их внутренних конфликтов, стремления максимально дистанцироваться от мира победившего или побеждающего Антихриста.

Острота эсхатологических переживаний, как неоднократно отмечалось исследователями, отличала старообрядческое движение с самых первых шагов его возникновения [1, с. 100–102; 2, с. 145–185; 3, с. 17]. Но при всем, казалось бы, единодушии в оценке церковных реформ патриарха Никона его ревностными оппонентами уже на начальных этапах оформления собственно старообрядческой идеологии оказались крайне важными некоторые аспекты в толковании базовых, авторитетных для всего православного мира, текстов. Развернувшаяся борьба вокруг этих трактовок имела далеко идущие последствия и затронула сферу как идейно-организационной, так и обрядовой жизни, навсегда разделив мир некогда единых противников «никоновых новин». Попутно отметим роль именно эсхатологических настроений в массовых протестных и миграционных движениях, существенно подтолкнувших освоение обширных территорий Российской империи [4; 5, с. 20]. Исследователями неоднократно отмечался повышенный интерес староверов к вечным темам апокалипсиса в переходные эпохи, вполне объяснимы и попытки апологетов «привязать» библейские события к тем или

иным датам. Но, как показывают источники, не ослабевал интерес народных писателей к эсхатологической тематике и в эпохи относительно спокойные, не сопровождавшиеся ярко выраженными социальными потрясениями. Как писал об этом академик Н.Н. Покровский, именно указанная «волна» эсхатологических настроений таит в себе множество неизвестных науке фактов [6, с. 291].

Нам уже приходилось обращаться к творчеству сибирского писателя-«австрийца» Г.А. Страхова. К настоящему времени выявлен круг его основных сочинений, восстановлены этапы творческой биографии. Из вновь найденных трудов писателя введены в научный оборот два: «Оправдание старообрядствующей иерархии по пророку Ездру» и «Показание истины»¹. Последнее сочинение относительно недавно обнаружено в составе другого сборника белокриницких, копия которого также хранится в Собрании Института истории СО РАН². Условно назовем эти два сборника «новосибирским» (*Н*) и «томским» (*Т*). Если исходить из того, что в «Показание» сборника *Н* включена новая авторская глава³, то можно сделать предположение о его более позднем происхождении. Имеются и некоторые другие, не касающиеся содержательной части отличия. Упоминание «царя Николая Александровича» – императора Николая II на одной из последних страниц «Показания», а также включение Г.А. Страховым в состав обоих сборников главы, приуроченной к 50-летию перехода греческого митрополита Амвросия в старообрядчество, позволяют ограничить создание сочинения концом 1894–1895 гг.

Как «Оправдание», так и «Показание» посвящены защите белокриницкого согласия. В том и другом сочинениях «апология» согласия увязывается с разработкой дискуссионных вопросов «последнего времени». Причем в «Показании истины» эсхатологическая тематика очень плотно вплетена в ткань повествования

¹ Более полное название: «Показание истины, служащая ко оправданию православного старообрядчества». – Собрание ИИ СО РАН. № 2/08-г.

² Весьма характерно другое название работы, вынесенное на обложку после поздней реставрации: «Обличение никонианской ереси». – Собрание ИИ СО РАН. № 18/09-г. Описание см.: Описание рукописей XVI–XX вв. из Собрания Института истории СО РАН / сост. Т.В. Панич, Л.В. Титова; отв. ред. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 2011. С. 202–203. Далее все ссылки на сочинение делаются в тексте работы в круглых скобках.

³ «Письмо одного священноиннок к безпоповскому наставнику». – Собрание ИИ СО РАН. № 2/08-г. Л. 257–270.

и выступает связующим элементом в структуре всего сочинения. Вероятнее всего, «Показание» является частью или продолжением какой-то другой работы, но детально обосновать эту гипотезу можно лишь в отдельном исследовании. Новым направлением в полемике белокриницких следует признать обоснование и защиту писателем идеи «народной» церкви.

Тематически «Показание» делится на несколько крупных блоков, касающихся стандартного набора дискуссионных вопросов, связанных с изменениями в «грекороссийской» церкви перстосложения, формы креста, написания имени Спасителя, церковного пения и т.д. И вполне естественно, что Г.А. Страхов, как и многие старообрядческие полемисты, вынужден был использовать богатейшие наработки своих более ранних предшественников. В нашем случае основной акцент делается на известных «Статьях» стародубского инока Никодима. Это далеко не единственный опыт использования труда знаменитого стародубского инока [7, с. 177–190].

Нашей теме посвящены последние главы сборника: 40, 41, 42, 43. Но, как говорилось выше, проблемы «конца света» так или иначе фигурируют в подавляющем большинстве предварающих их глав, вступительной и заключительной частях сочинения. Причем в его составе указанные выше главы представляют самую оригинальную часть как в постановке вопросов, так и в подаче материала. Особое отношение придавал этим частям и сам автор. Вполне закономерным представляется в данном случае использование им исключительно «тяжелой артиллерии» старообрядческой полемики: книг Ветхого и Нового заветов, авторитетных толкований к ним, сборников – Кириллова книга, Книга о вере, Большой Катехизис, Маргарит. Кроме того, используются и отдельные гражданские издания, хотя и очень ограниченно (о чем будет сказано ниже). Главы с 3 по 39 имеют дополнительную разбивку на 37 статей, концовки которых сопровождаются авторскими комментариями.

На создание, по выражению Страхова, его «богодуховенной книги» (!) подвигла присылка ему бывшим белокриницким иноком Исихием (Шляпиным) двух антистарообрядческих сочинений плодовитого православного писателя-миссионера (в прошлом – старообрядца) – Егора Антонова: некоего «Показания» и «Ответов на сто пять вопросов...» (л. 9). Если исходить из текста, то книги Антонова с сопроводительным письмом были лично присланы Страхову и, конечно, не могли остаться без ответа. Это можно связать как с личным, по Томску, знакомством инока с Григорием Арефьевичем, так и с недавней его деятельностью в местном «противораскольническом» Братстве Дмитрия Ростовского. Но были и другие, более глубокие основания для этого отклика. Известно, что давление властей во второй половине XIX в. на старообрядчество вообще и на белокриницкое согласие в частности имело свои результаты. В немалой степени успех этой борьбы определялся и внутренними разногласиями среди самих староверов. Не случайно даже некото-

рые из известных деятелей «австрийцев» в силу ряда обстоятельств были вынуждены не просто перейти в официальное православие, но и пополнить ряды активных противников староверия.

Этот факт подтверждает в своем «предисловии» и Г.А. Страхов (л. 7). Но все эти «отпадения» сибирский писатель связывал не столько с земными, сколько с мистическими причинами. Со ссылкой на Большой Катехизис он констатирует наступление «последних времен» и формулирует важный для всего дальнейшего изложения вывод: «По реченному... мерзость запустения станет на месте святе... Сия убо мерзость толкуется... воинство антихристово, разоряющее церкви божия. Сие... в настоящее время сбывется и существует...» (л. 8). Именно вокруг этого вывода и строится система доказательств писателя.

В определенной мере логика приведенных доказательств вполне предсказуема. Уже на первых страницах своего труда Г.А. Страхов обыгрывает тему гонений на староверов и отступление от «благочестия» после соборов 1654 и 1666 гг. Он пишет об изначальной «великой жертве антихристу», констатирует наступившее после соборов «спустошение» всех церковных таинств. Понятие «спустошение» является одним из ключевых, поскольку позволяет писателю неоднократно и достаточно свободно использовать его при доказательстве выдвинутого тезиса о поэтапном («постепенном») наступлении власти Антихриста, начиная от времени «отпадения» католиков и заканчивая периодом церковных реформ в России. Апологет делает следующий предварительный вывод: «...как ясно видится о настатии антихристове, двоя подобия – первое в предотечах, предуготовляют ему... тако и о печати видится в двух подобиях...» (л. 17). Этим Страхов невольно выражает свое несогласие как с позицией идеологов официальной церкви, считающих, что время Антихриста еще не пришло, так и с позицией некоторых белокриницких апологетов, также относивших пришествие Антихриста к неопределенному будущему, хотя писатель однозначно позиционирует себя сторонником «чувственного» прихода антипода Христа. Но, на наш взгляд, понимает он это гораздо шире. В частности, на одной из страниц сочинения, в очередной раз возвращаясь к теме обрядовых, и, как следствие, догматических нарушений в Русской церкви, последовавших после реформаторской деятельности патриарха Никона, он пишет: «... вместо Христа Антихристу кланяются, и таино (!) душою жертвуют диаволу...» (л. 116 об.–117).

Обращение к известной теории «трех отступлений» и «латинской теме», поднимаемой на страницах сочинения уже первых вождей староверия, позволяет писателю связать воедино не только события мировой, но и отечественной истории. Названная теория является своего рода способом, позволяющим достаточно просто обыгрывать доказательства многочисленных отступлений от «истинной веры» греческой и русской церковью, лишняя раз бросить упрек в «окаатоличивании» последней в связи с обрядовыми изме-

нениями и принципом руководства русской церковью после раскола.

В названных случаях Страхов опять же невольно противоречит апологетике «австрийцев», в которой уже с самых первых шагов становления белокриничской иерархии доказывалась, пусть и с оговорками, «благодатность» тех церковных организаций, от которых первоначально принимались переходящие в ее лоно клирики, а впоследствии после продолжительного перерыва возобновилась архиерейская хиротония. В этом случае логика автора прозрачна – она состоит в попытке связать известное предсказание Кирилловой книги и Книги о вере о «первом отступлении» католической церкви с деятельностью иерархов церкви русской. Понятно, что главным фигурантом в этом деле после римского папы выступает патриарх Никон. При этом Григорий высказывает не известную нам по другим сочинениям белокриничских, но встречающуюся в других сочинениях Страхова точку зрения, что трагическое избрание шестого патриарха «мнози отцы пророчески предсказали» (л. 13). С этим выводом пересекается другой, в котором известный апокалипсический персонаж – «зверь со агничими рогами» – «действовал» не только через тогдашнего главу русской церкви, но царя Алексея Михайловича (л. 242). Уместными видятся в этом случае и резкие, обличительные цитаты отдельных посланий протопопа Аввакума, признаваемые «грубыми» даже самим автором. Рукописная традиция аввакумовских сочинений Страхову незнакома, и он использует известные издания Н.И. Субботина [8; 9].

Весьма сомнительным в конструкции апологета выглядит и «благочестие» русских императоров. Чего стоит вывод сибирского старовера, что монархия в России во всем уподобилась «римской» (т.е. антихристовой), и хотя она, по его мнению, не достигла полной меры «нечестия» последней, но «во всем подобится оной» (л. 123 об.) В то же время Страхов на одной из первых страниц сочинения восхваляет «мудрость» Екатерины II, осудившей, по его мнению, решения «разбойнических» соборов 1666–1667 гг. Да и заканчивается сочинение подчеркнуто молитвенным обращением за правящего «великого государя» Николая II. Наряду с вполне канонической формулой моления за царствующую особу приводится и оригинальный призыв «покорить под нозе его» «всех масонов и вольнодумов, тщащихся безначалием уготовать путь сыну погибельному» (л. 132–132 об.). Этим писатель явно отводит роль апокалипсического «сдерживающего» последнему российскому императору.

Серьезно усложняет восприятие сочинения детализация апокалипсического сюжета о «втором звере». Григорий Арефьевич ставит в один ряд «второго зверя» и «змея-прелестника» из 13-й главы Откровения. Опираясь на авторитет составителя Книги о вере, автор эмоционально восклицает: «... Вот ... этот зверь из земли с двумя агничими рогами и пожирает миллионы российского народа...» (л. 118). Далеко не однозначную трактовку дает и следующий, достаточно

радикальный вывод апологета, сделанный на основе 25-й главы Большого Катехизиса: «... Не глаголет ли и ныне етот предотеча слугами своими яко змий, чрез своих служителей... такожде и слуги антихристовы ... церковь предлагают выше небес бытии, но в соборище бесовское вводят... Ты же бегай от бесовскаго Вавилона, сиречь от сонма злых и нечествых людей, и примет тя Господь Бог ...» (л. 116 об.–117). В этом случае Страхов явно подводит читателя к столь старательно избегаемому другими белокриничскими апологетами «политическому» вопросу, связанному как с недоверием официальной церкви, угодившей, по мнению старовера, под власть противника Спасителя, так и представителям всех властных структур, этой церковью обслуживаемой. Заметим, что с этой мыслью писателя связаны и другие сюжеты его сочинения, подкрепленные его богатым жизненным опытом. С другой стороны, достаточно четко озвучена им и идея «укрывательного» пути – бегства, уходящая своими корнями в идеологию раннего старообрядчества.

Таков в самых общих чертах круг вопросов, на которые пытался ответить в своем сочинении оригинальный белокриничский писатель Г.А. Страхов. Конечно, в своих разработках писатель был вынужден учитывать общую ситуацию, которая сложилась у «австрийцев» в период создания сочинения, общий уровень разработки темы другими апологетами. Хотя нужно отметить, что при всей кажущейся лояльности белокриничской верхушки к властям просматривается явное недовольство последними. Косвенным подтверждением политической заостренности являлось уже само обращение к теме «последних времен». Но полного единства в этом вопросе у «австрийцев» не было. Вполне закономерно, что в ряде случаев выводы сибирского писателя звучат гораздо радикальнее известных разработок его единоверцев, чем, возможно, и следует объяснить малую распространенность сочинений Григория Арефьевича в среде братьев по вере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Смирнов П.С.* Внутренние споры в расколе в XVII в. СПб., 1898. 237 с.
2. *Смирнов П.С.* Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909. 363 с.
3. *Гурьянова Н.С.* Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988. 188 с.
4. *Покровский Н.Н.* Антифеодалный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. 394 с.
5. *Мальцев А.И.* Староверы-странники в XVIII – в первой половине XIX в. Новосибирск, 1996. 267 с.
6. *Покровский Н.Н.* Народная эсхатологическая «Газета» 1731 г. // Исследования по Древней и Новой литературе. Л., 1987. С. 290–297.
7. *Зольникова Н.Д.* «Статии» инока Никодима и «Поморские ответы» Проблемы влияния и переработки // Вестник церковной истории. М., 2011. № 3–4 (23–24). С. 177–190.
8. *Субботин Н.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1879. Т. 5, ч. 2. 423 с.
9. *Субботин Н.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1887. Т. 8, ч. 5. 372 с.

REFERENCES

1. *Smirnov P.S.* Internal Disputes in the Schism in the XVII Century. SPb., 1898, 237 p. (In Russ.)
2. *Smirnov P.S.* Disputes and Division in the Russian Schism in the First Quarter of the XVIII Century. SPb., 1909, 363 p. (In Russ.)
3. *Guryanova N.S.* Peasant Anti-Monarchy Protest in the old-Believers' Literature during the Period of the Late Feudalism. Novosibirsk, 1998, 188 p. (In Russ.)
4. *Pokrovsky N.N.* Antifeudal Protest of the Ural-Siberian Peasants-Old Believers in the XVIII Century. Novosibirsk, 1974, 394 p. (In Russ.)
5. *Maltsev A.I.* Old-Believers-Stranniki in the XVIII – First half of the XIX Century. Novosibirsk, 1996, 267 p. (In Russ.)
6. *Pokrovsky N.N.* Popular eschatological "Gazette" of 1731. *Issledovaniya po Drevney i Novoy Literature.* L., 1987. pp. 290–297. (In Russ.)
7. *Zolnikova N.D.* The Articles (Statii) of the Monk Nikodim and "The Pomorian Answers". The Problems of Influence and Revision. *Vestnik tserkovnoy istorii.* M., 2011, no 3–4 (23–24), pp. 177–190 (In Russ.)
8. *Subbotin N.I.* Materials for the History of Schism during Its Early Stage of Existence. M., 1879, vol. 5, part 2, 423 p. (In Russ.)
9. *Subbotin N.I.* Materials for the History of Schism during Its Early Stage of Existence. M., 1887, vol.8, part 5, 372 p. (In Russ.)

*Статья принята
редакцией 09.07.2015*

DOI: 10.15372/HSS20150306
УДК 930.085+94(47)»1860/1880»

Н.П. МАТХАНОВА

ЗАПИСКИ ЕСАУЛА СИБИРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА А.П. КАЗИНА*

Наталья Петровна Матханова,
д-р ист. наук, проф., главный научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: istochnik_history@mail.ru

В статье вводятся в научный оборот и анализируются два мемуарных очерка казачьего офицера. Показано их значение для изучения истории военных действий в Средней Азии в 1870-е гг., истории Сибирского казачьего войска, отношения казаков к таким государственным и военным деятелям, как К.П. фон Кауфман, М.Д. Скобелев, взаимоотношений между отдельными группами казачества, а также их быта и нравов. Особое внимание уделено личности мемуариста, отмечена негативная оценка им вооружения и экипировки казаков, обостренное восприятие падения престижа Сибирского казачьего войска.

Ключевые слова: Сибирское казачье войско, мемуары, Кокандский поход 1873–1875 гг., Садык Кенисарин, Пулатхан, М.Д. Скобелев, С.А. Елгаштин, А.П. Казин.

N.P. MATKHANOVA

MEMOIRS OF A.P. KAZIN – ESAUL OF THE SIBERIAN COSSACK ARMY

Natalia P. Matkhanova,
Doctor of Historical Sciences
Institute of History SB RAS
8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: istochnik_history@mail.ru

The principle goal of the article is to introduce for scientific use and to analyze the information potential of memoirs of A.P. Kazin who was an officer of the Siberian Cossack Army. In the first of his essays A.P. Kazin tells about an armed clash between the Siberian Cossacks and a squadron of Sultan Sadyk Kenisarin near the Lake Sari-Kul in 1866, as well as characterizes the military actions of the Russian troops in the well-known battle of Irdzhar. The second essay is devoted to participation of the author, his friends and acquaintances in the Kokand Campaign of 1873-1875. It conveys ordinary Cossacks' evaluations of the contemporary military leaders and statesmen such as D.I. Romanovski, K.P. von Kaufman, M.D. Skobelev; describes the military life and the course of military operations including the battle near Telyau; attempts at debunking of a renowned hero of this battle – S.A. Yelgashtin.

*Благодарю руководство и сотрудников Исторического архива Омской области (ИсАОО) за содействие в работе.